

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.19.67.024

Присоединение Имеретинского царства к Российской империи, 1783–1804 гг.

Шаов Ибрагим Капланович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: shaov@mail.ru

Аннотация

Одним из эталонных территориальных приращений Российской империи, осуществленных в XVIII–XIX вв., стало присоединение Имеретинского царства в 1804 г. Оно было основано на формально выраженном запросе на дипломатическое и военное покровительство, неоднократно высказанном от трех последних монархов Имеретии в период с 1783 по 1804 гг. Юридически, тем не менее, оно было совершено не безупречно, поскольку обсуждение артикулов договора завершено не было, а в распоряжении российского правительства были предварительные запросные пункты. Важнейшее юридическое нарушение состояло в том, что Имеретия по условиям Ясского мира 1791 г. считалась османским протекторатом. И в этом отношении осенью 1803 — весной 1804 гг. не произошло никаких изменений. К числу конфликтных вопросов относились мегрельский и гурийский «кейсы», связанные с тем, что Александр I через голову Соломона II напрямую принимал присяги от его вассалов, пусть и фактически независимых. Соломон II трактовал свою присягу на верноподданство в точном ее правовом смысле: как акт признания российского протектората. Имеретия, согласно всем договоренностям, должна была сохранить государственность и внутреннюю автономию. Восприятие достигнутых договоренностей с российской стороны было прямо противоположным и исходило из права сильного. Конфликт был разрешен по грузинскому сценарию: монархия как институт была ликвидирована, а Соломон II бежал во владения своего прежнего сюзерена — османского султана.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаов И.К. Присоединение Имеретинского царства к Российской империи, 1783–1804 гг. // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 2А. С. 181–192. DOI: 10.34670/AR.2021.19.67.024

Ключевые слова

Имеретинское царство, Грузия, Российская империя, Османская империя, Соломон II, Александр I, Георгиевский трактат.

Введение

Проблема присоединения Имеретинского царства к Российской империи (далее — РИ) является комплексом историко-правовых вопросов, еще не получивших комплексного освещения. Как правило, в существующей историографии данная проблема не формулируется как значимое направление исследовательского поиска, а процесс присоединения сводится к присяге последнего имеретинского монарха Соломона II (1789–1790, 1792–1810) на верноподданство российскому императору 25 апреля 1804 г. Подобный подход мы наблюдаем в обобщающем исследовании и сборнике документов, посвященном 230-летию заключения Георгиевского трактата [Из истории, 2014, 55]. Б.Э. Нольде подчеркивал, что Александр I в 1801 г. признавал приоритетность османских прав на Имеретию, но, к сожалению, имеретинская проблема не получила полного освещения в труде известного историка государства и права РИ, который был прерван как раз на анализе процесса установления российского протектората над этим государственным образованием [Нольде, 2019, 700]. З. Авалов в труде, посвященном 100-летию присоединения Грузии к России, почти не обратил внимания на процесс присоединения Имеретии, считая его делом как-бы само собой разумеющимся после присоединения Грузии, но, тем не менее, заметив, что «владения западной Грузии постепенно лишились автономии, путем отчасти добровольным, отчасти *manu militari*» [Авалов, 1901, 275]. При этом, большое значение для изучения проблемы присоединения Имеретинского царства имеют теоретические наблюдения З. Авалова, посвященные международно-правовым аспектам территориальной экспансии РИ. А.В. Фадеев рассматривал имеретинскую проблему в контексте российско-османских отношений, подчеркивая, что до осени 1803 г. российское правительство не желало осложнять отношения с Османской империей (далее — ОИ) даже ценой приращения важных с геополитической точки зрения причерноморских территорий. Установившиеся между РИ и Имеретией отношения он характеризует как протекторат [Фадеев, 1960, 112, 117]. Выдающийся современный кавказовед Д. Рейфилд увязывает проблему присоединения Имеретии с присоединением Картли-Кахетии (Грузии), но определенное возражение должен вызвать термин «завоевание» в названии 16-й главы: «Русское завоевание Картли-Кахетии» [Рейфилд, 2017, 313–358]. А.Р. Чедия в своей обстоятельной диссертации обошел вниманием имеретинский кейс, сосредоточившись на абхазо-черкесских проблемах. При этом, он отмечает, что «протекторат над Имеретией был оформлен в 1803 г.», а после «упразднения» царской власти в 1811 г. Имеретия была превращена в область [Чедия, 2019, 212].

Таким образом, актуальность предпринятого исследования видится в реконструкции процесса присоединения Имеретинского царства к РИ, который представляется своеобразной моделью инкорпорации кавказской территории, обладавшей выраженным суверенитетом, а также пребывавшей под протекторатом ОИ. Данный процесс мы наблюдаем на примере таких территорий как Кабарда (Большая и Малая Кабарды, своего рода конфедерация кабардинских феодальных владений), Закубанской Черкесии, Абхазского княжества. Имеретинское царство пребывало под османским протекторатом три столетия и накопило как острое недовольство «гнетом» иноверной державы, так и, в не меньшей степени, инерцию османского подданства, которое позволяло сохранять внутреннюю автономию, не сковывало жестко внешнеполитические контакты. Из Кутаиси в Санкт-Петербург на протяжении XVIII века поступал своего рода запрос на покровительство, на установление режима российского протектората. Но мыслился таковой существенно различно. Грузинская знать полагала, что

совершенно логичным и неподлежащим ревизии является состояние полной внутренней автономии.

Хронологические границы изучаемого процесса локализируются от 1783 г., от подписания Георгиевского трактата, до 1804 г., когда Имеретинское царство стало российским протекторатом. В 1804–1811 гг. произошел процесс лишения Имеретии большей части автономного статуса, так называемое «упразднение» институтов имеретинской монархической государственности. Этот этап инкорпорации станет предметом анализа в следующей статье.

Основная часть

В начале царствования Екатерины II и в период первой русско-турецкой войны второй половины XVIII в. (1768–1774) у правительства РИ и лично у императрицы не было окончательно сложившегося мнения по вопросу возможного присоединения Грузии к империи. В 1771 г. императрица подчеркивала, что Россия «не ищется присовокупить Грузинских земель, как отдаленных и совсем неподручных, к нашей империи» [Грамоты, 1891, XXIV].

24 июня 1783 г. в крепости Георгиевск между РИ и Грузией был заключен «дружественный договор», или трактат. 23 января 1784 г. Ираклий принес присягу на верность русскому императору, на следующий день он своей подписью скрепил трактат, который тем самым окончательно вступил в силу.

Георгиевский трактат устанавливал режим российского протектората над Грузией (двумя восточно-грузинскими царствами — Картли и Кахети) (2-й и 3-й артикулы). Согласно 3-му артикулу все следующие цари Грузии должны были «испрашивать» через посланников «императорского на царство подтверждения». Внешнеполитическая деятельность Грузии ограничивалась учреждением регулярных консультаций с российским министром или резидентом, «аккредитованном» при грузинском дворе. С российской стороны бралось обязательство учитывать интересы Грузии в договорах, заключаемых с Турцией и Ираном (6-й артикул). РИ гарантировала сохранение института грузинской монархии, самого грузинского государства, за которым закреплялась полная внутренняя автономия (управление, суд, налоги), прямо запрещая российскому «военному и гражданскому начальству вступаться в какие-либо распоряжения».

Сепаратные артикулы трактата ориентировали Ираклия на союз с Соломоном I; наделяли Екатерину II ролью «совершенного арбитра» во внутригрузинских отношениях; определяли обязательность и порядок военной помощи в случае войны или пограничных конфликтов [Именный, 1830, 1013–1017].

В 1783 г. Екатерина II не планировала распространить режим протектората на Имеретинское царство. 23 августа 1783 г. Соломон I направил П.С. Потемкину письмо с выражением готовности приступить к переговорам о подписании трактата, аналогичного Георгиевскому. Но, как подчеркивают В.В. Трепавлов и Л.С. Гагагова, в Санкт-Петербурге вопрос о принятии Имеретии под покровительство империи считали преждевременным, «поскольку по формальным признакам Западная Грузия находилась в зависимости от Османской империи, и во избежание нежелательного военного конфликта российской дипломатии приходилось учитывать ее интересы» [Из истории, 2014, 33].

Более того, вскоре выяснилось, что РИ еще не вполне была готова к выполнению взятых на себя обязательств. Б.Э. Нольде подчеркивает, что «заключив этот договор, русские не оказали Ираклию помощи в борьбе с соседями и лишь иногда отстаивали его интересы в Константинополе» [Нольде, 2019, 688]. Самым наглядным, но не единственным, нарушением

взятых на себя обязательств со стороны РИ, стало разорение Тифлиса иранцами в 1795 г. [Нольде, 2019, 689]. Российский контингент был введен в Грузию в 1796 г., но летом 1797 г. был отозван Павлом I.

Георгиевский трактат не только не соблюдался, но и был очень скоро, при первой же смене правителей в РИ и Грузии, подвергнут ревизии. Важнейшие пункты о сохранении грузинского государства и династии не были соблюдены. «Нетерпеливый и сумасбродный», по характеристике Б.Э. Нольде [Нольде, 2019, 693], император Павел I 18 января 1801 г. в Петербурге обнародовал манифест о присоединении Картлийско-Кахетинского царства к РИ. В феврале манифест был оглашен в Тбилиси. 12 марта 1801 г., в результате дворцового заговора, Павел I был убит, а на престол вступил его сын Александр I. При некоторых колебаниях и дискуссии в Государственном Совете, он подтвердил курс своего отца на ликвидацию грузинской государственности. 12 сентября 1801 г. был издан новый императорский манифест о присоединении Картлийско-Кахетинского царства. Только через полгода — в апреле 1802 г. — манифест был обнародован в Тбилиси и других городах Картли и Кахети.

По справедливому замечанию историка и юриста З. Авалова, «грузины стояли на средневековой точке зрения привилегии, они желали присоединения на известном условии, в форме договора. Все это искони было чуждо России, которая еще за три века до того отказала Новгороду в вече и колоколе — во имя единства государства и равного подчинения его частей» [Авалов, 1901, V]. Официальный историографический концепт «добровольного присоединения Грузии к единой России» З. Авалов назвал «милой легендой» [Авалов, 1901, VII].

На данном фоне более понятным становится имеретинский кейс, не связанный с подписанием двустороннего трактата, ограничившийся просительными пунктами и присягой на верноподданство, а в финальной точке приведший к бегству имеретинского царя в ОИ. В июне 1784 г. скоропостижно скончался Соломон I. Наследник трона Давид Арчилович, внук Ираклия, был еще малолетним. Поэтому престол предложили временно (до 1789 г., до совершеннолетия Давида Арчиловича) занять Давиду Георгиевичу, двоюродному брату Соломона. Он стал имеретинским царем Давидом II (1784–1789). Давид не был единственным претендентом на имеретинский престол: свою кандидатуру в лице влиятельного имеретинского феодала Кайхосро Абашидзе выдвинула Порта [Рейфилд, 2017, 316]. Вопрос обсуждался русскими и османскими дипломатами в Константинополе, после чего Порта перестала поддерживать К. Абашидзе. В 1787 г., когда началась очередная русско-турецкая война, Давид направил своего посла в Россию, которого удерживали в Украине до 1789 г. и только потом позволили прибыть в Петербург. РИ в этом конфликте не стала использовать Грузию, уже обязанную действовать заодно по условиям Георгиевского трактата, а Имеретия, тем более, выпала из имперского пасьянса. Османы беспрепятственно заняли Имеретию, поскольку еще в 1786 г. ахалцихский Сулейман-паша договорился с Ираклием о ненападении. Ираклий, тем самым, нарушал Георгиевский трактат, но надо иметь в виду, что это было совершенно неизбежное и вынужденное с его стороны нарушение [Рейфилд, 2017, 316–317].

В конце 1791 г., по условиям Ясского мира, Екатерина II признала османские права на Имеретию. Более того, при проведении переговоров, предшествовавших подписанию мирного трактата, Екатерина даже вызвалась покинуть Грузию, если турки признают РИ как защитницу христиан [Рейфилд, 2017, 319].

В 1789 г. Давид II, как и обещал, уступил трон Соломону II (Давиду Арчиловичу), передав ему в качестве заложника своего сына Константина. Позднее Давид II эмигрировал в ОИ и умер в Ахалцихе в 1795 г. [Рейфилд, 2017, 323].

В отношении Имеретинского царства российское правительство продолжало держаться мнения, согласно которому осложнение отношений с ОИ являлось слишком большой ценой такого шага. Фактический наместник Грузии, командир 10-й Кавказской дивизии К.Ф. Кнорринг в 1801 г. в докладе на имя Александра I просил инструкций в отношении Имеретии, которая «счисляется под зависимость Турецкой империи» [АКАК, 1866, 559]. 17 сентября 1801 г. последовал рескрипт Александра I, в котором он недвусмысленно приказал Кноррингу не предпринимать никаких мер по присоединению Имеретии, поскольку это может привести к конфликту с ОИ: «Не подавая Порте с сей стороны ни малейшего повода к подозрению» [АКАК, 1866, 560].

Следующий наместник Грузии генерал-лейтенант П.Д. Цицианов (Цицишвили) прямо признавал османскую юрисдикцию, пусть и в очень усеченном виде, над Имеретинским царством: «Имея в плане, Высочайше мне для единственного моего сведения пожалованном, о приобретении Имеретии с княжествами Дадиановским, Мингрелиею и Гуриеловским, когда к тому удобный случай представится, сносясь однако-ж предварительно с в. пр., поелику сие царство хотя под слабым, но покровительством Порты Оттоманской» [АКАК, 1868, 341–342].

В «Записке об Имеретии», составленной штабом Цицианова, и приложенной к его письму к гр. А. Воронцову (12.06.1803) говорится о фактической независимости Имеретии от ОИ: «Поелику Имеретия избавлена от ига неверных помощью победоносного Российского оружия и уже слишком 30 лет не имеет никаких отношений с Портой Оттоманской, то царь Соломон просит Е.И.В. принять оную, яко царство единое, под свое высокое покровительство и защиту» [АКАК, 1868, 347]. Имеретия, о свободе которой (благодаря победоносному оружию РИ) пишет Цицианов, тем не менее, не получила статус независимой территории по условиям Кайнарджийского мира [АКАК, 1868, 349]. В специальной литературе встречаются утверждения о независимости Имеретии после 1774 г., которые, по всей видимости, восходят к материалам внутренней российской переписки [Чедия, 2019, 180].

Очевидно, что П.Д. Цицианов неверно интерпретировал 23-й артикул Ключук-Кайнарджийского трактата. В нем упоминается Грузия и Мингрелия, грузинцы и мингрельцы. Формулировка о принадлежности Богдачка (Багдати, городок и крепость рядом с Кутаисом), Кутатиса и Шегербаня (Шорапани), захваченных российской армией во время войны 1768–1774 гг., отличается обтекаемостью и оставляет место для противоположных трактовок: «В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости Богдачк, Кутатис и Шегербань, российским оружием завоеванные, будут Россией признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего времени были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими» [Договоры, 1869, 35–36]. Артикул завершается, тем не менее, однозначной формулировкой: «Но как помянутые народы (грузинцы и мингрельцы, *прим. авт.*) находятся подданными Блистательной Порты, то Российская империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их» [Договоры, 1869, 36].

Необходимо также отметить, что русский текст Ключук-Кайнарджийского договора демонстрирует существенное нарушение уже сложившейся системы географической и политической номенклатуры: Имеретия не упоминается, а Кутаиси отнесен к Грузии (видимо, в общем этнографическом смысле). По договору, заключенному Имеретинским царством и Портой в 1767 г., османы признали возросшую самостоятельность Имеретии, которая, тем не менее, оставалась протекторатом ОИ. В разговорах с чиновниками российского министерства иностранных дел, глава канцелярии царя Соломона II князь С. Леонидзе (ранее служивший на

этой же позиции Ираклию и Георгию) заявлял, что Соломон «без всякой от Порты зависимости утвердился» [АКАК, 1866, 569]. Это не мешало Соломону считать себя султанским подданным и пользоваться османским наименованием своего государства в официальной переписке [АКАК, 1869, 174]. В 1801 г. Соломон направил 80 мешков денег наместнику Ахалциха Шериф-паше, что являлось проявлением патронажных отношений [АКАК, 1866, 565].

Отношения РИ с Имеретией были в серьезной степени осложнены постоянным конфликтом этого небольшого царства с Мегрелией и Гурией, которые формально считались вассальными в отношении имеретинского престола княжествами, но обладали при этом фактической независимостью. Дадиани, правители Мегрелии, пытались выторговать для себя наилучшие условия вхождения в состав РИ. В письме к коллежскому советнику Соколову, который представлял интересы РИ в Имеретии, мегрельский князь заявлял, что или РИ возьмет его под покровительство и защитит от Соломона, или он «прибегнет к Оттоманской Порте, ища подобного во спасение его земли» [АКАК, 1868, 342].

Процесс присоединения Имеретии к РИ в этот период был осложнен также территориальными спорами между Грузией и Имеретией. 25 сентября 1801 г. Соломон сообщал Кноррингу о территориальном конфликте с российской Грузией: «От вашей дружбы и любви я этого не ожидаю; я не думаю, чтобы на это была воля Государя и чтобы Он отнял у меня землю. Если Государь так на меня гневается, то я имею и другие земли, — Он бы мог и их отобрать» [АКАК, 1866, 560]. Территориальные споры между грузинскими государствами после сентября 1801 г. должна была регулировать РИ. В этой связи, главнокомандующий в Грузии Кнорринг получил «Всевысочайше преподанные правила на соблюдение целости областей Карталинии и Кахетии» [АКАК, 1866, 561].

Наибольшие споры вызывал район Кепинисхеви, принадлежавший имеретинским князьям Абашидзе (сеньория или удел Саабашидзе) и пожалованный им несколькими имеретинскими царями на протяжении XVII–XVIII вв., который был самопроизвольно приведен к присяге на верноподданство Е.И.В. главнокомандующим в Грузии Кноррингом. Эти действия вызвали острейшее недовольство и соответствующее послание царя Соломона [АКАК, 1866, 567]. Жители спорных деревень были явно обижены на Абашидзе и когда услышали о том, что их возвратят под его управление, «бежали все в леса с намерением пройти в Ахалцих» [АКАК, 1866, 568]. Здесь очень показательно, то бежать хотят не на территорию РИ, а под власть грузинских мусульман.

Три спорные деревни Кепинисхевской волости были возвращены в состав Имеретии. Действовало «Высочайше преподанное правило» «ободрять переселение в Грузию выходцев из-за границы, с единою токмо осторожностью в рассуждении собственных владений Порты Оттоманской, чтобы не потрясти тем доброго согласия и дружбы, с государством сим существующих» [АКАК, 1866, 568]. Соответственно П.И. Коваленский, первый министр «правительства» Грузии, принял решение воздержаться от приема имеретинских подданных: «дабы не подать повод к остуде с царем Имеретинским, от такового приема подданных сего царя, впредь до дальнейшего разрешения повоздержаться» [АКАК, 1866, 568].

Отношение Соломона к вопросу о российском протекторате очевидно изменилось также после сентября 1801 г., когда худшие опасения представителей династического дома Багратиони оправдались. Как выразился Д. Рейфилд, Соломон II «полностью разочаровался в добросовестности России» [Рейфилд, 2017, 331].

Соломон стал почти открыто поддерживать царевича Александра, харизматичного сына Ираклия, который выступил против ликвидации грузинской монархии. Усилились военно-

политические контакты с наместником Ахалциха грузином-мусульманином Шериф-пашой. Имеретинский царь был сильно недоволен карательной экспедицией русских войск против осетин, и в еще большей степени тем, что Кнорринг не дал проехать его послу в Санкт-Петербург. В качестве превентивной меры, Соломон выставил караулы на границе с Грузией [АКАК, 1866, 565]. Дело дошло до того, что Соломон санкционировал убийство соперника Шериф-паши — Сабид-паши, установившего дружеские связи с российской администрацией Грузии [АКАК, 1866, 565]. В июле 1802 г. коллежский советник Соколов, направленный Кноррингом к Соломону, не был им принят в течение 16 дней пребывания в Имеретии. Затем все-таки был допущен к царю, но остался крайне недоволен приемом [АКАК, 1866, 570]. Соломон в этот период был занят подавлением мятежа и осаждал крепость Цхуша в Лечгумской области.

Позиции Соломона II были подорваны сепаратистской политикой мегрельской знати. Теснимый имеретинским царем, мтавар Мегрелии Григорий (Григол) Дадиани (1788–1804, с перерывами), запросил помощи и покровительства у РИ. Обращение Дадиани соответствовало политическим планам РИ, которая, таким образом, выходила на кавказское побережье Черного моря. В декабре 1803 г. правительство РИ заключило договор о покровительстве с Г. Дадиани, оградив его от притязаний имеретинского царя.

Соломон не постеснялся вступить в открытую полемику с российским самодержцем из-за Мегрелии: «всегда, издревле донныне, суть наши подданные». «Если же наше владение, — возмущался имеретинский правитель, — занимающее пространство в 60 верст, может составить приращение Его многодержавной резиденции или доходы с онаго прибавят что либо неистошимою казне Его, то по истине наш ум проникнут таким усердием к Е.В., что с покорностью уступим... пусть даже Е.В. соизволит отобрать от меня царство, но я никоим образом не могу возвысить Дадиани» [АКАК, 1868, 361–362].

В рескрипте от 20 августа 1802 г., данном на имя Кнорринга, Александр I упоминал *фирманы* Соломона, в которых содержалось обращение о присоединении к РИ, на которое император ответил отказом: «Я нахожу основательным ответ сделанный вами царю Имеретинскому, отклоняющий искание его покровительства России. Если бы и искренно оно было, Я никак не желаю дать сим поступком Порте Оттоманской повод к притязаниям или остуде, и поручаю вам и на будущее время в поведении вашем против царя держаться сего правила» [АКАК, 1866, 571].

Точное содержание фирманов остается неизвестным, но явно они были не столь однозначными, о чем свидетельствует письмо военного губернатора Грузии ген.-м. И.П. Лазарева Соломону (15.08.1802), в котором выражается беспокойство концентрацией имеретинских войск на границе Грузии [АКАК, 1866, 571]. Согласно рапорту Соколова от 21 августа 1802 г., Соломон имел «величайшее участие в замыслах Багратионов (трех мятежных сыновей Ираклия, *прим. авт.*) освободить Грузию из подданства России и, возобновив царство, возвесть на престол царевича Юлона» [АКАК, 1866, 572].

Резидент обрисовал заговор против России: в Имеретии — Соломон и три царевича, укрывшиеся у него; в Грузии — царевич Вахтанг и вдова Ираклия; а также Александр, открыто выступивший против РИ, постоянно переезжавший из Грузии в Иран и обратно. С. Леонидзе, посол Соломона в Санкт-Петербурге и Тифлисе, оказывается, ратовал за присоединение к РИ только на словах, а на деле был агентом имеретинского царя по координации усилий мятежных Багратионов. Леонидзе имел «открытый брат» от Соломона к кахетинским и кизикским тавадам. Царь Соломон отправил царевича Александра «с открытым *бератом* своим» ко всем

соседним азербайджанским и дагестанским владетелям, а также к ахалцихскому паше. Тот, со своей стороны, выдал Александру султанский берат с обещанием помощи от всех подданных ОИ. Кроме того, ахалцихский паша организовал отряды лезгин в поддержку Соломона, часть которых уже находилась в Имеретии [АКАК, 1866, 573].

В 1803 г. Соломон сдался под давлением Цицианова и отдал ему царевича Константина. Русская администрация Грузии хотела использовать царевича для смещения Соломона. Его мать — вдовствующая царица Анна — находилась в России, получала жалованье и интриговала против Соломона [АКАК, 1868, 347].

По всей видимости, информация о полной нелояльности Соломона повлияла кардинальным образом на отношение к нему Александра I. 2-го августа 1803 г., как только в руках у русской администрации оказался приемлемый, с точки зрения династических прав и реальной возможности занять трон, кандидат, последовал рескрипт Александра I на имя князя Цицианова: «Уважая представление ваше о знатных выгодах для торговли и мореплавания россиян по Черному морю, имеющих воспоследовать от приобретения Имеретии, рассуждая при этом, что Кайнарджийским трактатом освобождено царство сие от ига турецкого, соглашаюсь принять оное под защиту и покров России и по прибытии сюда посла имеретинского объявлю на то соизволение Мое, поручая вам заблаговременно принять нужные меры к произведению оного в действо. Какие же места Имеретии нужным сочтете занять войсками российскими и какую оных часть на сие занятие употребить намерены, не оставьте Меня уведомить» [АКАК, 1868, 352].

3-го августа 1803 г. Александр направил Соломону грамоту, в которой известил его о награждении орденом святого князя Александра Невского и выразил уверенность, что данный акт «соделается залогом непреложной вашей преданности к Империи Нашей» [АКАК, 1868, 352]. 4-го августа последовало отношение гр. А. Воронцова к князю Цицианову, в котором разъяснялись детали того, как надлежит исполнять рескрипт императора: «Г.И., соизволяя на принятие Имеретии в покровительство России, с приездом посланца (С. Леонидзе, у которого были существенно иные условия покровительства, чем это решили в Тифлисе и СПб., *прим. авт.*) приступлю я к формальному об оном соглашению...; с отправлением посланца восвояси поручится вам, м.г. мой, заключить с царем Соломоном *акт принятия* Имеретии под верховную власть России и, утверждая верность присягой как самого царя, так и знатнейших жителей, ввести войска в места, коих занятие сочтете нужным, как для удержания Имеретии в непоколебимости, так и в соответствии сообщений с отрядом, имеющим занять Мингрелию» [АКАК, 1868, 353–354].

8 октября 1803 г. последовало отношение гр. А. Воронцова к кн. Цицианову, в котором проявилось истинное отношение российского правительства к Соломону: «Наглые поступки царя Имеретинского,... заслуживают ему и строгого и примерного наказания» [АКАК, 1868, 358]. Воронцов торопит Цицианова с вводом войск в Имеретию: «Двоякость поступков Соломона, отправившего сюда кн. Леонидзе для постановления условий, на коих имеет он покорить Имеретию под верховную власть России, и в то же время чинящего чрез посланника своего в Константинополе жалобы на нас, в намерении встревожить Порту на счет видов наших в том крае, обнаруживает неискренность его в предложении нам сделанном и мало подает надежды, чтоб он обязательства, которые им приняты будут, выполнил» [АКАК, 1868, 358]. Высказывалось также пожелание, чтобы Соломон «от правления Имеретией удален был».

26 октября 1803 г. последовало высочайшее повеление Александра I князю Цицианову: наместник извещается, что в С.-Петербурге прекращена «негоциация» с С. Леонидзе; формулируется крайне отрицательное отношение к Соломону («закоснелый в пронырстве

владельца»); предлагается скорейший ввод войск, но Константину Имеретия не достанется, поскольку взят курс на ликвидацию царства [АКАК, 1868, 359].

О том, каким образом, по мнению Соломона, Имеретия должна была взаимодействовать с РИ, свидетельствуют «Запросные пункты, от царя Соломона Имеретинского предложенные»: 1) «Как я был самовластным в земле моей, так да буду и впредь самовластным и мог бы верных к нам награждать и неверных наказывать»; 2) Вводимые русские войска должны подчиняться Соломону и он имеет право задействовать их против собственных «ослушников»; 3) «Имение Константина Давидовича остается за Имеретией, если его забирают в Россию или в Грузию, а если вновь доверяют его Соломону, то он готов сделать его своим официальным наследником и возратить ему его земли»; 4) «Гурия принадлежит нам и о ней ничего нам не приказывать»; 5) «Пусть русские сами платят за строительство дороги». Соломон, таким образом, совершенно отказался от своих владельческих прав в отношении Мегрелии — упоминается только Гурия. Важно, что он настаивал на прямых контактах с российским правительством, чтобы ни один «начальник Грузии» не был наделен правом «приказывать нам» [АКАК, 1868, 376]. Но пока этот пост занимал Цицианов, царь был согласен на его посредничество в сношениях с Петербургом. Соломон выражал также свое несогласие с процедурой принятия российского подданства, отказываясь подписывать условия покровительства, предложив только свою присягу. Но направленный к нему граф Воронцов заявил, что одного без другого он принять не может [АКАК, 1868, 371].

25 апреля 1804 г. во всеподданнейшем рапорте князь Цицианов докладывал: «Богу благодарение, — исполнена; присяга же царя Соломона и первостатейных его князей, случившихся в его свите, на границе при моем с ним свидании, при сем подносимая, послужит свидетельством пред В.И.В. тому, что *царство сие обращено в одну из провинций Российских*» [АКАК, 1868, 374]. «Наконец 25-го апреля наше свидание было окончательным, т.е. присяга была совершена, потом *трактат под именем просительных пунктов* к В.И.В. при мне е.в. подписан... и он облечен был орденом св. Александра Невского. ... За ним присягнули на верность первостатейные князья с ним бывшие и присяжный лист ими подписанной имею счастье всеподданнейше поднести» [АКАК, 1868, 374–375].

4 июля 1804 г. Александр I «утвердил в полной мере акты, в виде просительных актов вами (т.е. Цициановым, *прим. авт.*) заключенные с царем Имеретинским и владельцем Мингрельским, о поступлении их в подданство России» [АКАК, 1868, 391]. 4-го же июля 1804 г. Александр I издал Высочайший рескрипт на имя царя Соломона, который можно определить как жалованную грамоту на царство: «соизволяем и подтверждаем вас, любезно верноподданный нам царь Имеретинские земли Соломон, в сем достоинстве вашем, которое по силе сей Нашей *жалованной грамоты* и наследники ваши всегда от Нас принимать должны и повеления Наши исполнять» [АКАК, 1868, 393].

Как видим, Соломон II отстаивал внутреннюю независимость своего государства и соглашался подчиниться РИ лишь в области внешней политики. Но главнокомандующий Грузии генерал Цицианов, в соответствии с инструкциями русского правительства, настаивал на полном и безоговорочном, подчинении Имеретии.

В особенно высокомерном тоне генерал Цицианов вел переговоры с имеретинским царем после того, как русские войска в январе 1804 г. покорили Ганджинское ханство в Азербайджане и стали угрожать непосредственно границам Ирана. В апреле того же года русские войска вступили в Имеретию, и Цицианов продиктовал царю Соломону условия, в соответствии с которыми Имеретинское царство должно было отдать себя под покровительство России.

Примечательно, что еще до установления протектората над Имеретией правительство РИ ввело русские загранпаспорта для подданных Соломона [АКАК, 1868, 439].

Заключение

На основе присяги и одобренных Александром просительных пунктов, своего рода импровизированного «трактата», имеретинский царь стал вассалом русского императора. В Имеретию был введен небольшой отряд русских войск, численность которого в дальнейшем постепенно увеличивалась. На протяжении 1801–1804 гг., таким образом, имел место процесс установления режима протектората над Имеретинским царством. Недовольный фактической утратой власти, Соломон II развил деятельность, направленную на сохранение автономии Имеретии в составе РИ.

Библиография

1. Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1901. VIII, 305.
2. АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии / Под ред. А.Д. Берже. Тифлис: В типографии Главного управления наместника кавказского. Т. I. 1866. 816 с.; Т. II. 1868. 1238 с.; Т. III. 1869. 760 с.
3. Грамоты и другие исторические документы XVIII века, относящиеся к Грузии. Т. I. С 1768 по 1774 год. Под редакцией А.А. Цагарели, ординарного профессора Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1891. LXXII, 518 с.
4. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1869. XXII, 296 с.
5. Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014. 768 с.
6. Именной, данный Сенату, с приложением договора, постановленного с Карталинским и Кахетинским царем Ираклием Вторым. — О признании им над собою Верховной власти и покровительства Российских Императоров. 29 сентября 1783 г. // ПСЗРИ. Т. XXI: 1781–1783 гг. СПб., 1830. С. 1013–1017 (№ 15835).
7. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой; отв. ред. В.А. Тишков. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2019. 768 с.
8. Рейфилд Д. Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 605 с.
9. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 399 с.
10. Чедия А.Р. Западный Кавказ в черноморской политике Османской империи в XVII — первой четверти XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история (Новая история). М., 2019. 278 с.

The incorporation of the Kingdom of Imereti within the Russian Empire, 1783–1804

Ibragim K. Shaov

PhD in Law

Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: shaov@mail.ru

Abstract

The accession of the Imereti kingdom in 1804 was one of the standard territorial increments of the Russian Empire in the 18th – 19th centuries. It was based on a formally expressed request for diplomatic and military patronage, expressed repeatedly from the last three monarchs of Imereti in the period from 1783 to 1804 years. Legally, however, it was not perfect, since the discussion of the articles of the treaty was not completed, and only the preliminary conditions were at the disposal of the Russian government. The most important legal violation was that Imeretia was considered an Ottoman protectorate in 1791 under the conditions of the treaty of Jassy. And in this regard, in the autumn of 1803 - in the spring of 1804 no changes have occurred. Conflict issues included the Mingrelian and Gurian “cases” related to the fact that Alexander I directly took oaths of allegiance from the vassals of Solomon II. Solomon II interpreted his oath of loyalty in its exact legal sense: as an act of recognition of the Russian protectorate. Imeretia, according to all agreements, was to maintain statehood and internal autonomy. The perception of the agreements on the Russian side was the exact opposite and proceeded from the right of the strong. The conflict was resolved according to the Georgian scenario: the monarchy as an institution was liquidated, and Solomon II fled to the possession of his former overlord, the Ottoman sultan.

For citation

Shaov I.K. (2021) Prisoedinenie Imeretinskogo tsarstva k Rossiiskoi imperii, 1783–1804 gg. [The incorporation of the Kingdom of Imereti within the Russian Empire, 1783–1804]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (2A), pp. 181–192. DOI: 10.34670/AR.2021.19.67.024

Keywords

The kingdom of Imereti, Georgia, the Russian Empire, the Ottoman Empire, Solomon II, Alexander I, the Treaty of Georgievsk.

References

1. Avalov Z. (1901) Prisoedinenie Gruzii k Rossii [Accession of Georgia to Russia]. SPb.: Printing house A.S. Suvorin, 305 p.
2. AKAK — Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi Komissii / Pod red. A.D. Berzhe [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis: In the printing house of the Chief Directorate of the Governor of the Caucasus. Vol. 1. 1866. 816 p.; Vol. II. 1868. 1238 p.; Vol. III. 1869. 760 p.
3. Gramoty i drugie istoricheskie dokumenty XVIII veka, otnosyashchiesya k Gruzii. T. I. C 1768 po 1774 god. Pod redaktsiei A.A. Tsagareli, ordinarnogo professora Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta [Charters and Other Historical Documents of the 18th Century Related to Georgia. T. I. From 1768 to 1774. Edited by A.A. Tsagareli, an ordinary professor at the Imperial St. Petersburg University]. SPb.: V. Kirshbaum's printing house, 1891. LXXII, 518 p.
4. Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye. Sobral i izdal T. Yuzefovich [Treaties of Russia with the East. Political and Commercial. Collected and published by T. Yuzefovich]. SPb.: Printing house of O.I. Bakst, 1869. XXII, 296 p.
5. Iz istorii rossiisko-gruzinskikh otnoshenii: K 230-letiyu zaklyucheniya Georgievskogo traktata. Sbornik dokumentov / Otv. red. A.N. Artizov [From the History of Russian-Georgian Relations: To the 230th Anniversary of the Conclusion of the Georgievsky Treatise. Collection of Documents]. M.: Drevlekhranilishche, 2014. 768 p.
6. Imennyi, dannii Senatu, s prilozheniem dogovora, postanovlennogo s Kartalinskimi i Kakhetinskimi tsarem Irakliem Vtorym. — O priznanii im nad soboyu Verkhovnoi vlasti i pokrovitel'stva Rossiiskikh Imperatorov. 29 sentyabrya 1783 g. [Name decree given to the Senate, with the attachment of the treaty made with the Kartalin and Kakhetian tsar Heraclius II. On his recognition of the Supreme Power over himself and the patronage of the Russian Emperors. September 29, 1783]. In.: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. XXI: 1781–1783. SPb., 1830, pp. 1013–1017 (№ 15835).
7. Nolde B.E. Istoriya formirovaniya Rossiiskoi imperii. Izd. 2-e, ispr. i dop. [The History of the Formation of the Russian

- Empire. Ed. 2nd, rev. and add]. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2019. 768 p.
8. Rayfield D. Gruzija. Perekrestok imperii. Istoriya dlinoi v tri tysyachi let [Georgia. Crossroads of Empires. A History of Three Thousand Years]. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2017. 605 p.
 9. Fadeev A.V. Rossiya i Kavkaz pervoi treti XIX veka [Russia and the Caucasus in the First Third of the 19th Century]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 399 p.
 10. Chediya A.R. Zapadnyi Kavkaz v chernomorskoj politike Osmanskoi imperii v XVII — pervoi chetverti XIX v. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Spetsial'nost': 07.00.03 – Vseobshchaya istoriya (Novaya istoriya) [Western Caucasus in the Black Sea policy of the Ottoman Empire in the 17th – first quarter of the 19th century. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Specialty: 07.00.03 – General history (New history)]. M., 2019. 278 p.